

Современная утопия, или Парадокс нежелательного желания

Научный руководитель – Петренко Валерия Владимировна

Фоменко Анастасия Павловна

Аспирант

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Философский факультет, Томск, Россия
E-mail: anastasy.ftd@mail.ru

У каждого философского понятия есть своя судьба и своя история. Нередко случается так, что то или иное понятие, проторивая себе дорогу, обрастает некоторым числом постоянных спутников в виде терминов и категорий, которые всюду сопровождают его. Утопии во все времена было свойственно появляться в окружении таких характеристик, как наилучшее общественное устройство, совершенное государство, идеальное общество и идеал, каждая из которых не раз подвергалась детальному рассмотрению в контексте вопроса о природе утопического. На что реже обращали внимание и о чем делали ремарки обычно лишь вскользь это то, что утопия связана не только и, может быть, даже не столько с идеалом, сколько с желанием.

Вспомним слова Т. Мора, которыми он завершает свой знаменитый труд 1516 года: «я охотно признаю, что в утопийской республике имеется очень много такого, чего я более *желаю* в наших государствах, нежели ожидаю» (Мор 1953, 222). В написанной столетием позже «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона моряки, потерпевшие кораблекрушение и оказавшиеся на острове Бенсалема, восклицают: «мы очутились в стране ангелов, которые являются нам ежедневно, предупреждая наши *желания*. . . » (Бэкон 1954, 12). Два века спустя Э. Кабе, отправляя своего персонажа в удивительную Икарию, все еще обосновывает создание утопии тем фактом, что природа «дала всем людям равное *желание* быть счастливыми» (Кабе 1948, 146). Даже в послевоенные годы в романе-утопии О. Хаксли «Остров» один из жителей маленького и независимого государства Пала объясняет гостящему у него журналисту: «Здесь <...> все определяется преимущественно <...> нашим *желанием* быть счастливыми» (Хаксли 2000, 182). Более того, разве каждый из нас, будучи читателем и знакомясь с тем или иным утопическим произведением, не оценивал его первым делом своим желанием или нежеланием хотя бы немного пожить в обществе, которое оно рисовало? И если выносимый нами вердикт не совпадал с восторгами автора, разве не испытывали мы сомнение, действительно ли вневременный идеал был представлен в тексте?

В теоретической литературе устоявшейся традиции анализировать утопию с помощью понятия «желание» нам обнаружить не удалось, за исключением, пожалуй, двух имен: немецкого неомарксиста Э. Блоха и американского постмодерниста Ф. Джеймисона. Первый рассматривает утопию в контексте извечно присущего человеку желания лучшего будущего и надежды на исполнение этого желания [9]. Второй понимает утопию не просто как «*желание* лучшего общества», а как «умение его *желать*» (Бальчиндоржиева 2018, 25). В остальном авторы чаще всего ограничиваются парой коротких высказываний, как будто свидетельствующих, что связь между утопией и желанием не ускользнула от их внимания, но пристально не вглядываются в этот предмет. Так, например, К. Мангейм помещает в «Идеологию и утопию» следующую фразу: «В утопическом сознании коллективное бессознательное <...> отворачивается от всего того, что может <...> парализовать его *желание* изменить порядок вещей» [5]. Это, однако, никак не меняет повестку, и книга продолжает придерживаться изначального курса. Что касается современных отечественных исследователей, то какого теоретико-методологического подхода они бы не

придерживались, общим местом является ссылка на перестроечный текст Э.Я. Баталова и беглая отметка, что в утопии «речь идет не просто об идеальном, но о *желаемом* состоянии общества» (Баталов 1989, 19).

Если принять приведенные свидетельства как достаточные и согласиться с тем, что утопия в самом деле укоренена в человеческом желании и живет только им, то при попытке выяснить, обрела ли утопия какие-нибудь новые черты в современности, обнаружится один парадокс. Чтобы увидеть, в чем он состоит, достаточно вспомнить несколько несложных фактов.

Не секрет, что наибольшее развитие рефлексия на тему желания получила в психологии и философии XX и XXI веков. З. Фрейд вывел на свет влечения, Ж. Бодрийяр проанализировал соблазн, оригинальную концепцию желания создал Ж. Лакан, о желающих машинах написал Ж. Делёз. Жизнь не отставала от теории, и желание на практике постепенно превратилось в основополагающий элемент культуры общества потребления. Поэтому в обстановке, где желание давно уже перестало строго ассоциироваться с греховностью и где появилась масса техник, направленных на то, чтобы пробуждать желание и бесконечно культивировать его, где отсутствие желания стало считаться первым признаком физического или психологического нездоровья, питающаяся человеческим желанием утопия, казалось, именно сейчас должна была бы находиться на пике своей популярности. В реальности же происходит «вырождение утопии в практопию...» (Чаликова 1992, 57).

Что это значит? То, что классической утопии, бредившей новыми странами, диковинными языками, коллективной собственностью и всеобщим счастьем в будущем, настоятельно рекомендуется спуститься с небес на землю и на основе тщательно проводимых расчетов заниматься организацией конкретных мероприятий, направленных на то, чтобы воспрепятствовать ухудшению ситуации в настоящем. Несмотря на то, что ряд современных исследователей фиксируют всплеск интереса к утопии, и подавляющее большинство авторов признает ее огромную значимость для общественного развития, тем не менее, пусть и за очень редкими исключениями, тенденция вычищать из утопии всякий намек на субъективное желание и низводить ее до статуса практопии только усиливается.

Так, в сегодняшнем мире с его культом желания, где практически любой эгоистичный каприз воспевается как законная манифестация индивидуальности, утопия, движимая альтруистичным желанием счастья для всех, становится нежелательной. После провозглашенного полвека назад «конца утопии», статус последней все же был пересмотрен, и для утопии отвели свое место в современности на условии, что она откажется от непосредственного и произвольного желания, лежащего в ее основе. Но в таком случае встает вопрос: принимая это условие, остается ли утопия собой?

Источники и литература

- 1) Бальчиндоржиева О.Б., Жамьянов Э.Б. Конструктивные функции утопий: социально-философский анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. №3. Т.1. с.23-29.
- 2) Баталов Э.Я. В мире утопии. М., 1989.
- 3) Бэкон Ф. Новая Атлантида. М., 1954.
- 4) Кабе Э. Путешествие в Икарию. В 2-х тт. М., 1948. Т.1.
- 5) Мангейм К. Идеология и утопия. [Электронный ресурс] // RoyalLib.com: [сайт]. – URL: https://royallib.com/read/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya.html#163840 (дата обращения: 03.03.2021).
- 6) Мор Т. Утопия. М., 1953.

- 7) Хаксли О. Остров. СПб., 2000.
- 8) Чаликова В.А. Утопия рождается из утопии. Лондон, 1992.
- 9) Bloch E. The Principle of Hope. Cambridge, Massachusetts, 1996. Vol.1.